

Невесты для темных, или Национальный спорт "Обтмани демона"

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Официальная легенда: 'Когда случилось затмение, и месяц закрыл собой солнце, пришли на землю демоны. Много их было, много зла принесли они. Но могучий Талгариор, мечом и огнем уничтожающий все живое, узрел деву прекрасную ликом и преисполнилось сердце его любовью, а тело страстью. Но дева душою чистая, была непреклонна. И тогда сказал могучий Талгарион: 'Сердце мое тебе принадлежит, светлоокая, и если пойдешь со мной, одарю я твой дом золотом и плодородием, но коли откажешь — превращу в мертвую пустыню'. И орошая лицо свое слезами, протянула дева ладонь дрожащую...'

- [Невесты для темных, или Национальный спорт "обмани демона"](#)

○

Невесты для темных, или Национальный спорт

"обмани демона"

Елена Звездная

Официальная легенда: 'Когда случилось затмение, и месяц закрыл собой солнце, пришли на землю демоны. Много их было, много зла принесли они. Но могучий Талгариор, мечом и огнем уничтожающий все живое, узрел деву прекрасную ликом и преисполнилось сердце его любовью, а тело страстью. Но дева душою чистая, была непреклонна. И тогда сказал могучий Талгарион: 'Сердце мое тебе принадлежит, светлоокая, и если пойдешь со мной, одарю я твой дом золотом и плодородием, но коли откажешь — превращу в мертвую пустыню'. И орошая лицо свое слезами, протянула дева ладонь дрожащую...'

Я перечитала древний свиток в сто двадцатый раз, нервно ожидая Люську у школы демоновых невест. Нет, она, конечно, именовалась не так, а 'Пресветлый храм избранных', но по факту да — школа демоновых невест, ни больше, ни меньше. Из-за ворот доносилось бубнящее:

— Волоокие девы, долженствует вам ходити аки лыбеди, спину держать горделивую, руки белыми, до земли да иной грязи не прикасаться, и честь да чистоту блюсти неукоснительно!

В общем, уроки у них уже заканчивались, и это была стандартная напутственная речь главного жреца Пресветлого храма избранных. После которой открылись ворота, и степенно переваливаясь 'аки гуси на водопой' из храма выбрели собственно невесты, а точнее — девки безбашенные. Правда безбашенные, деревенька-то наша на горном плато располагается, откуда из нее не выйди, так обзор открывается из серии 'высоко сижу, далеко гляжу', от того и не строили в поселении башни сторожевой, соответственно и прозвали деревню — Безбашенная.

Девки, меж тем все так же переваливаясь, спускались по тропинке. То, что переваливаются вообще не удивительно — сидят же на неудобных скамейках шесть часов кряду, тут не то, что переваливаться, тут впору на четвереньках ползти. И они бы может и поползли, да верховный жрец не велит! Ему гусиный похондос больше импонирует.

— Не лыбся, — крикнула мне Люська, пытаюсь переваливаться быстрее.

— А я чего, я вообще тут читаю, — соврала, не моргнув глазом.

Вообще в Безбашенной все девочки на особом положении. Здесь как девочка родится, так сразу заявляется главный жрец, восторженно на крошку молитвы налагает, да и приставляет к дому опытного жреца для помощи молодой матери. Так что пеленки стирать, дите качать, по ночам к малютке вставать — это все жрец. И пока девочка растет, никакой работы не ведает — окромя вышивания бисером. Это занятие жрецами почему-то приветствуется. Девочки в деревеньке спят вволю, едят что хотят, за жрецами-няньками бегают по горам цветы собирают, веночки плетут, сказки рассказывают, шалости устраивают. Работать, готовить, убирать там или за скотиной приглядывать — ни-ни, ибо как завещал великий Первый жрец 'не гоже избранной грязи касаться'.

И в результате все безбашенные девки реально безбашенные — веселые, румяные, с

хитринкой в глазах, все как одна золотоволосые, пышные, счастливые, жизнью сверх меры довольные, а уж красивущие...

Да, завидую.

— Амирка, чего вылупилась? — крикнула Васена.

Действительно, и с чего бы мне завидовать? Мне пятнадцать! Грудь нет, дней женских нет, волосы у меня черные, глаза никак не голубые, а темно синие, телом тощая как пацан, и самое грустное — я не местная, соответственно к избранным не принадлежу, и таким образом скотина на мне, уборка на мне и вот даже готовить уже заставляют. А я, между прочим, унаследовала папину профессию, так что я — охотник! Причем лучший охотник в этих местах после папы... ну просто мы с ним единственные охотники, так что — да, я второй по крутости безбашенский охотник! И я в отличие от этих с походками 'аки лыбеди' умею по следу любое животное выследить, устроить засаду у водопоя и поднять медведя на рогатину! Жаль только животные об этом не знают, и сколько я им положение вещей не объясняю, никак не поймут, что меня нужно опасаться и вообще бежать прочь сверкая копытами! Нет! Звери безбашенские как и все тут — безбашенные! Стоит мне залечь в засаду, в плечо тыкается мокрый нос рысенка Ушика, а его мама залегает с другой стороны и мы лежим и ждем — рысь! И когда какая-нибудь все же появится, она не бежит от меня, нет, она же безбашенная, она радостно прыгает ко мне играть! А олени! Вот крадешься ты с луком наизготовку, идешь осторожненько, чтобы ни одна веточка под ногой не хрустнула, а тебе вдруг дышат в спину! Поворачиваешься — Кривой Рог, вожак местных оленей! Он по мне с детства фанатеет, даже таскал веточки с малиной из лесу, когда я болела, со всеми своими рогами пробирался в дом, топал до моей кровати ставил малину, сам на колени опускался и тяжело вздыхал. И если бы он один! Еще прибежали зайцы, косули, мишка заваливал с семьей, кабаны дикие, гуси, лебеди, утки там всякие... Папа у меня же охотник. Он опытный жуть, на медведя с голыми руками ходить может! Жаль, медведь не в курсе... В общем да, когда папа лежит в засаде, к нему все местные тигры присоединяются, им тоже любопытно, кого же на тропе к водопою застукать можно. Ну и собственно я папина единственная дочка, соответственно для всего леса — детеныш, соответственно...

Не будем о грустном.

— Чем займемся? — потягивая затекшие ноги, спросила Люська, едва подошла.

Люське тоже пятнадцать, но тут даже сравнивать больно для моего самомнения — она высокая, золотые волосы до пояса, кожа идеальная, глаза как небо голубые, грудь ого-го, телята и те оборачиваются, бедра крутые, и вообще она самая красивая девка на деревне.

— Идем на пруд? — предложила я.

Подружка моя потянулась и промямлила:

— Мне лениво...

Лениво ей... Я с утра на пруду уже раз шесть была — белье полоскала, а ей, видишь ли, лениво.

— К бабке Уде перхоть тереть? — выдала новое предложение.

Люська скривилась и выдала:

— Лениво.

— К деду Макару готовить чернила для зубов? — новое предложение.

— Скучно...

О да, я знала, что Люське весело — на луг сходить. Сейчас конец мая, самая страда для травы, и парнисено косят. А Люське сын кузнеца нравится, а мне нет. И оно как бы не то,

чтобы не нравился, просто так получилось, что у Васьки нет одного зуба и синяк в пол лица по моей вине, а он все никак забыть об этом не хочет. Между прочим дело в пять утра было, на зорьке, а счас уже дело к вечеру, а он... Ну и память у парня.

— Ай, мой Васенька, — затараторила Люська, целенаправленно повернув к лугу, — он самый красивый парень на деревне!

Был когда-то... там просто у него половина головы теперь лысая... и собственно синяк, и зуба нима...

— Ах, у моего Васеньки такие кудри, — продолжала Люська.

И тут я подумала — ей ведь не объяснишь, что все случайно произошло и вины моей если и есть, то вообще самая капелька. И остановилась.

— Амирка, ты чего? — величественно обернувшись, спросила подруга.

Луг за холмом был, вот на холм мы сейчас и поднялись. Я глянула на деревню — красивая у нас деревенька, все дома новенькие, ровненькие, дороги чистые да широкие, скотина ухоженная, шерсть на солнце так и сияет, сады урожая полны, по обочинам цветы цветут, детишки в нарядных рубашках, молодухи да женщины в красных богатых сарафанах, мужики в белоснежных рубашках, черных брюках красными кушаками подпоясанных, да в сапогах блестящих... Красивая у нас деревня, богатая. А все дело в чем — демон тот, что девку шантажом злонамеренным уволок, он, дабы девка о судьбе родных своих не тревожилась, да не печалилась, наложил на дом ее заклинание Плодородия. Но как-то не аккуратно наложил, так что на всю деревню оно и легло. И с тех пор семечку жаренную уронишь — на утро уже росток, к вечеру подсолнух цветет, к следующему утру урожай можно снимать да жарить. С той поры в Безбашенной голода никто не ведает, ибо растет все, что ни посадишь, окромя сорняков. И на земли эти, столь плодородные, охотников много нашлось! Деревенских согнали, местный царь приказал дома все снести, да урожай на образовавшееся поле засеять. По двадцать урожаев в год сымали!

Да только так получилось, что у демона с девкой той дети родились особые — силы немерянной, красоты не описанной, ладненькие да пригожие. А другие демоны на дело такое поглядев, и себе жизни привольной многодетной пожелали. Так что пяти лет не прошло, как ровно в полдень сверкнуло небо, да и ступили на поле колосающееся шестеро демонов... Царь не выжил.

А демоны поле заровняли, дома деревенским отстроили, опосля селение защитили, шесть девок взамен благоденствий своих уволокли да и были таковы. А по земле весть пошла — что де есть деревенька безбожников, Базбашенной кличут, и там де сатане поклоняются. Ой и сколько против нас с тех пор походов крестовых устраивали — не счесть. Последний вчера был. Мы как раз на рассвете поднялись с папой коров кормить, а тут звон колокольный в пресветлом храме избранных, мол 'Представление, очередное бесплатное представление'. Ну мы дела все побросали, да и на окраину деревеньки. Стоим, ждем! Скотина с нами прибежала, ей тоже интересно было посмотреть, что за новые идиоты на земле Вериосской народились.

И народилось их видимо-невидимо — тысяч пятнадцать! И все как полагается — с попами, хоругвями, молитвами, водой святой, пушками, арбалетами, конницей и архиепископом. Архиепископ смотрелся круто — весь в золоте, аж глазам больно! И войско на нас двинулось грозное, суровое, с воплями 'Сотрем с земли Вериосской отродье демоническое! За церковь! За веру, братья!'. И лица такие суровые, что у нас даже коровы подхихикивать начали.

Ну, дальше как всегда — из пушки в нас пальнули, ядро отлетело. Из луков — стрелы все к ним обратно. Из арбалетов — та же история! Погнали конницей — о защитный полог лбы расшибли. Через два часа битвы за веру и чистоту земли Вериосской идиоты вся страны с досады сидели и плакали как маленькие дети. Пожалели. Мы вообще всех всегда жалеем, а потому сходили, компрессы раздали, молоком напоили, приголубили, посочувствовали, и к архиепископу за благословением сходили — мы ж верующие. Мужик так расчувствовался, что даже в деревню к нам сходил (полог он тех, кто с добром пришел всегда пропускает), там службу провел. К слову из всего войска токмо его полог и впустил, остальные молились за деревней. А как помолились, мы батюшке гостинцев с собой надавали, сыров всяких, семян, трав лечебных, жеребенка одного, да котика. Тут дело в чем — заклинание плодородия оно так и действует же на все, так что коровы наши зараз четырех телят приносят, куры по два яйца в день несут, козы да овцы три раза в год ягнятся, а уж молока дают — в общем сыров у нас много. Одно плохо — с мясом проблема. То ли от заклинаний демонических, то ли от общей атмосферы добра и довольства, да только все животные у нас... безбашенные. Утром в коровник зайдешь, тебе все вежливо — Мууу. В овинник — Беее. В козлятник — Меее. На удои сами строятся, к воде сперва маленьких, да едва народивших пропускают, в стаде не дерутся, любой команды слушаются, на пастбище строем ходят. И как после этого их резать?! Так и живем — мясо покупаем у торговцев, а они у нас животных на развод — коровы, козы да овцы безбашенские, они по удоям лучшие в Вериоссии, из курей лучшие квочки, гуси да утки самые плодовые. Но не только живность скупают — яблочки наши не зря молодильными кличут, на них самый высокий спрос идет. Да и на травы лечебные очередь. К слову — травы мы с папой в основном то и собираем, но это так... Мы все равно лучшие охотники в округе, вот! А то, что нас торговцы травниками кличут, так это они от общей необразованности и невежества!

— Амирка! — позвала Люська. — Амирка, к хлопцам идем, нас уж заметили, вон, радуются, руками машут.

Глянула на луг. Ну да, машут... кулаками. 'Радуются'. Васька и все его семь братьев. У кузнеца вообще одни сыновья в семье, а он девочку хотел, вот и старался.

— Слушай, Люська, пойду я, — решила, начиная нервничать.

— Да ты чего? Смотри, Васенька то обрадовался, вон к нам бежит.

Угу, с косой наперевес, смерть походу изображает. Лысую такую, беззубую и с фингалом под глазом.

— Да нет, пойду я, — заметила, следя за приближением своей 'смерти неминуемой', - дел полно, да и вообще настроения нет.

Люська на мое замечание не отреагировала, пристально вглядываясь в любимого хлопца, после чего с сомнением протянула:

— Амирка, чай с глазами что-то, али солнце напекло, да никак Васенька мой... постригся, что ли?

— Чай к смотринам готовится, с образом экспериментирует, — невинно протянула я, уже прикидывая — успею добежать до леса или придется в деревню мчать.

В лес оно спокойнее, там дядь Мишантий спасет, а в деревне защитника еще поискать надо, отец то с утра в горы за травами ушел...

— Слушай, Люська, пошла я, — осторожно отступая, сказала подруге.

И тут ветер донес до нас рев: 'Амирка, ведьма, стоять!'

— Ой, — расстроилась Люська, — а чего это он тебя остаться просит, а?

Не, избранные, они все какие-то... безбашенные. Это однозначно жрецы на них плохо влияют.

— А это мы, Люсь, в догонялки играть сейчас будем, — невинно просветила я подругу.

— Да? — она вконец расстроилась, им носиться сломя голову ни-ни, не дай демон упадут еще, моську попортят, им низя. — И он тебя догонит, а потом ты за ним бегать будешь?!

— Хрена с два! — в сердцах ответила я. Но тут же исправилась: — Ты же знаешь, я охотница, а мы, охотники, быстрее всех бегаем.

Угу, от зверей! А они за нами! А как догонят, давай облизывать от радости. Брр!

— Пока, Люсь, — попрощалась я, так как Васенька уже мчался вверх по холму.

— Стой, зараза! — орал Васька.

И мы помчались — я впереди, сын кузнеца позади, с той же косой наперевес. У меня была фора и вообще я была отдохнувшая, Васька же промчался с полтора километра по лугу, после взбегал на холм, так что уже чуть запыхался. Так что я даже не сильно испугалась, неприятность заключалась в другом — он же пацан, они молча за врагом бегать не умеют, и потому в спину мне несло:

— Амирка, ведьма! Поймаю все ноги переломаяю! Зараза! Поветрие моровое! Ведьма!

А я-то девка безбашенская, соответственно тоже язвкатая, и ему в ответ несло не менее ласковое:

— Изыди, лысый! Что б ты провалился! Сам ведьмак, морда побитая! Офанарел ты, Васька, вконец офанарел!

Вслед нам смотрели детишки, коровы, козы, овцы, собаки, коты, куры, гуси, утки, ну и бабы деревенские. Вот одна-то и добила, с мечтательным вздохом выдав:

— Ох, весна, любовь... Видать на днях придут сваты в дом Теяра-охотника...

Я, пробегающая как раз мимо тетки Всены, от удивления споткнулась, свалилась, покатила кубарем до ручья, и там осталась лежать, раскинув руки и глядя в небо. Васька, который шагов на сто отставал, вдруг оказался в момент рядом, отшвырнул косу, и кинулся ко мне с воплем:

— Амирка, не ушиблась?! Ты чего под ноги не смотришь, а?

И перед моими глазами пронеслись утренние события. Встала я на самой зорьке, умылась, косу заплела, как и всегда натянула брюки да рубаху, лапти походные тканые, да пошла скотину кормить. А тут за околицей Васька стоит, да такой заговорщицки подмигнул и говорит: 'Амирка, дело жизни и смерти. Идем'. А мы с кузнецовыми сыновьями... как бы так чтобы хрен не упоминать, в общем... враждуем. Я ж охотник, второй по крутости в деревне, а животных жалко. Вот отец покажет мне как сильцо на зайца ставить — я и поставлю. У кузнеца во дворе. Папа ямы маскировать научил — к утру восемь штук накопала, да в засаду засела. Весело было, да, а потом я, рысь, олень и три косули весело от злющих кузнецовых сыновей улепетывали. Но особенно мы завраждовали, когда я на них стрелки испытывала. Дело тут в чем — папа мне трубку духовую подарил, это стало быть в нее заряжаешь дротик с ядом, и дыханием в животину посылаешь. Животных мне было жалко, а соседей вот вообще нисколечки. Собственно — кузнец наш сосед и есть, но он мужик уважаемый, и остаются только... Первым я дротик с сонным ядом испытывала — уложила троих прежде, чем остальные братаны засекли откуда снайпер по ним прицельный огонь ведет. Пока до дерева домчались — полегли еще двое. Шестого завалила, когда он на дерево полез. Седьмого почти, а Васька был восьмым. Он меня с дерева стащил, хворостину

выломал и отходил так, что сидеть я долго не могла. С тех пор — ненавижу. Но уважаю — ибо я лично о своих тренировках на соседских братьях молчала как партизан, точно зная — поступаю я не то чтобы хорошо, но и кузнецовы сыновья молчали. Ни разу на меня отцу не пожаловались, так что в тот день, когда Васька меня все же достал, я домой пришла молча и не жалуясь. А на утро засела в засаде с парализующим ядом!

В общем, не дружили мы с кузнецовыми сыновьями, никак не дружили. А гадости друг дружке это всегда. Так что, потопав сегодня утром за Васькой, я лично ничего хорошего не ждала, но к нападению хороший охотник всегда готов, так что в одном кармане у меня был дротик с парализующим ядом, во втором пыль с почесовника — гадская штука, один раз вляпаешься, потом весь день чешешься.

И оказалась права — Васька задумал очередную пакость. Привел меня в кузню, где кроме него подленько ухмыляясь еще четверо мускулистых братьев Гутаргов стояли, они вообще все здоровые, а мяса семья кузнеца больше всех покупает. В общем привел, подвел к наковальне — а там что-то, платком накрытое.

— Открывай, — говорит.

Ну я так, опасливо, спиной к очагу встала, чтобы значит со спины никто не напал, достала на всякий пожарный дротик, продемонстрировала — чтоб знали.

— Да открывай уже, — рассмеялся Васька, — ничего плохого не сделаю, клянусь.

Ага, так я и поверила! Достала мешочек с пылью почесовника — братаны уже знали, что это такое, и потому слаженно сделали шаг назад. То-то же, знай наших.

— Амирка, — Васька уже не улыбался даже, — ты вообще хоть когда-нибудь вырастешь уже, а?

— Я взрослая! — заявила гордо.

И держа под прицелом внимательных глаз всех Гутаргов, достав нож, осторожно поддела край платка острием. Ничего не случилось. Я подняла чуть выше... Ничего не случилось. Я подняла еще выше и застыла от удивления. Там было кольцо. Золотое. Такое красивое, и с камешком в центре, который был как будто капелька росы на лепестке розочки и...

— Нравится? — спросил Васька.

Мне очень-очень понравилось, даже сразу в руки взять захотелось. Но тут Васька вдруг шагнул ко мне и торжественно так:

— Я давно хотел сказать тебе, Амира, что ты...

— Стоять! — потребовала я, выставив сразу нож, чтоб знал — без боя не сдамся.

— Амирка, да прекрати ты, — сказал Борька, обходя с другой стороны. — Ты можешь просто молча выслушать?

— И тебе стоять! — потребовала я, выставя в его сторону дротик.

И тут Сашка задумчиво предложил:

— Так, набрасываемся на нее все сразу, тут пока не свяжешь, разговора не получится.

И ко мне!

Я с перепугу шарахнулась в сторону, свалив попутно меха. Они повалились на пол, задев крышку печи. Та, падая, швырнула горсть угольков прямо в Ваську! Прямо на волосы! Вспыхнул огонь. Митька метнулся тушить брата и случайно заехал ему кулаком в глаз. Васька взвыл, схватил ведро, не удержался, поскользнулся и рухнул на пол на бадейку... Зуб долой, да. Оно-то конечно отрастет, тут у всех зубы здоровые и коли сломаешь отрастают за неделю, но в тот момент... В тот момент, горным сайгаком выбираясь из кузницы, я думала

только об одном — Спасайся как можешь!

Спаслась...

— Амир? — Васька встревоженно ощупывал мои ноги на предмет их целостности. — Амирусик, где болит? Что задела?

— А тебе какая разница? — я села и вопросительно посмотрела на катастрофу, по имени Василий Гутарг.

Парень нахмурился одной половиной лица, вторая и так вся синяя была, и вдруг спросил:

— А пойдешь со мной на демоновы смотрины, а?

И я все поняла. Подобралась, на колени встала, он то сидел, прямо на траве, да я ж ростом не велика, потянулась к нему, к щеке здоровой прикоснулась. Он аж застыл, да глаз на меня вытаращил. А я по щеке выбритой, и с чего бы брился, сегодня ж не праздник, а он и утром гладенький был, и начала утешать:

— Да не выберут ее, Васенька, не кручинься. Ну хочешь и пойду завтра с тобой, чтобы тебе спокойнее было?

Остолбенел. Эх, видать совсем за Люську переживает, оно и понятно — самая красивая девка безбашенная, такую точно демоны сходу забрали бы. Да только...

— Вась, — опять по щеке погладила, — Вась, не расстраивайся, мы уже перхоть заготовили, жир для волос, зубы подчерним как надо, воск для нарывов тоже у меня уже готов, жрецов споим и обманем демонов, как пить дать обманем, они уже сколько — лет десять никого не забирали, так? И сейчас не заберут!

Да, смотрины уже завтра, все с рассвета готовиться начнут, у меня вообще костюм хромого и косоного мальчика был заготовлен, так что встретим во всеоружии... Как и всегда. А вечером праздновать бум...

— Амираааааа, — послышался мамин голос. — Амиир!

Я подскочила, похлопала Ваську по плечу и утешила:

— Не грусти, вот увидишь, останется Люська и поженитесь. Все, пока.

И помчалась к маме.

Мама у меня красавица — невысокая, но глаз не оторвать. Две толстые косы черными змеями до талии спускаются, глаза кошачьи карие, губы полные, личико смуглое, фигурка как часы песочные, и одевается вовсе не так как деревенские. На маме всегда туники камнями расшитые, шаровары широкие, да тканевые туфельки. И вот когда я смотрю на нее, всегда завидую, что у меня от мамы только волосы да разрез глаз, остальное все от папы. Вот и худобой в папу пошла, хотя мама сказала, что как девушкой стану, и на человека буду похожа. А еще мама умеет ножи метать. Ловко так и точно в цель. И на улицу она никогда без ножей не выходит, поэтому все деревенские кумушки, которые маму почему-то как-то совсем не очень любят, стоит ей выйти, прячутся по домам. А вот мужчины маму уважают, и дети любят, и животные, и подружки у мамы тоже есть, такие, которые вопросов не задают.

— Остановись, — еще издали сказала мама, — иди спокойно, ты девушка, а не пацан.

Остановилась, подумала, и пошла переваливаясь аки лыбедь белая.

— Грешно смеяться над избранными, — укорила меня мать.

Пожав плечами, пошла к ней уже нормально.

И тут из-за калитки, высунулась бабка Урмена, и ехидно так:

— А что, Арима, чай сватов ждете уже?

В полете сверкнул нож...

Бабка, взвизгнув, уползла. Оно как — воровства на деревне нет и отродясь не было, тут у всех и так достаток, так что калитки да ворота имелись, а вот забор смех один — мне до колена. И так у всех. Потому то и ползла бабка, по-пластунски, головы не поднимая.

Ну я сбегала, из ее калитки нож воткнувшийся забрала, и снова степенно направилась к маме. Подошла, нож ей протянула.

— Спасибо, — мама взяла оружие, сунула в ножны. — Горе ты мое, ты почему по деревне с воплями носишься, а?

— Да я так, — пожалала плечами.

— Она 'так', а я с лестницы грохнулась, да к тебе на выручку помчалась! Амирка, чем думала?!

А чем тут думать, так... не думалось.

— Что вылупилась? — нахмурилась мать. — Одна ты у меня, Амирка, одна единешенька, а вся в отца! То на охоту, то в горы, а то среди ночи не дозовешься! Ты мне прямо скажи — где ночевала сегодня?

Пожав плечами снова, пробормотала:

— Так, у бабушки я...

— Даже имени ее не смей называть! — прикрикнула на меня мать. — И марш домой, горе мое луковое, там лукошко возьмешь да сбегаеть на тот край деревни.

— К бабушке? — догадалась я.

— Я сказала не смей! — мать была непреклонна. — А потом обедать, поняла? Дома обедать! Отец уже вернуться должен. И чтобы я про твою бабку слова больше не слышала!

Мама с бабушкой не ладят. Ох и не ладят. Не любят безбашенные чужаков, совсем не любят. Да может маму и приняли бы, вот только — папа у бабушки с дедушкой один сын, один единственный. Тут такое редкость — не только коровы да козы плодовитостью отличаются, да вот вышло, что один отец у бабушки родился. И рос он на загляденье всем — высокий, глаза синие словно небо внешнее, кудри русые золотятся на солнце, сам ладный, худощавый, да не худой, улыбчивый, добрый. Да и девушку ему родители сговорили под стать — ладную да пригожую. Вот только — выбрали ее демоны. Выбрали и в мир свой уволокли. Папа тогда сильно горевал, так горевал, что из деревни вовсе ушел, лет пять скитался, охотником стал, на севере зверя бил, да шкуры возил в Весен, столицу государства нашего. А так как пришлый был, торговать на рынке гильдия не дозволила, перекупщикам отец сдавать не хотел, вот и продавал на корабли. Брали особенно торговцы с востока, и на одном из таких кораблей папа и увидел маму. Он мне рассказывал, что когда она в парандже полупрозрачной вышла на палубу верхнюю, да глазами карими на отца взглянула, сердце остановилось. Не просто остановилось — с той минуты деве иноземной и принадлежать стало. И далеко папа от корабля не ушел, околачивался возле два последующих дня, да с моряками речи заводил, так и узнал, что маму и еще девятерых девушек везут северному хану, в дар от хана восточного, повелителя Стылой пустыни.

А мама, она в гарем северного хана вовсе не хотела, она вообще одного батыра из Шахредза любила, а потому план имела побегательный. От чего побегательный — потому как только она побежит, как капитан Сурмет на нее орла ручного спускал, тот нагонял, хватал и обратно на корабль нес. Но в тот день побегательный план увенчался успехом, потому как мама, едва корабль отплывать стал, сиганула в воду ледяную студеную, зима на дворе имелась, из воды шустро выбралась, да и побежала по пристани. Капитан орла за

ней... А папа то у меня знатный охотник! Он птичку с одного удара вырубил, маму в шубу соболиную закутал, да и понес прочь, в номер гостиничный. А когда он ее из шубы развернул, мама на него взглянула и... забыла на прочь, как там ее улюбленный батыр с лица выглядел. Вообще про все забыла. В веру нашу перешла, с папой обвенчалась и вскорости в ее животике поселилась я!

А дальше грустно, потому как в Безбашенную возвращаться папа с молодой женой не стал — не любят здесь чужих, и на браки такие благословения не дают. Оно как — деревенские чистоту крови соблюдают строго, потому как демоны берут только светлокожих, золотоволосых, да голубоглазых, другие им не нужны. И тут толи кровь у местных особая, толи гены, демон их знает, но кровью своей безбашенные гордятся и с чужими не смешивают. Так что не стал отец маму с родителями знакомить, и поселились они там же в Весене. И зря они так сделали — ханы они как шакалы — подлые да мстительные. Не простил северных хан маме побега, отправил своих узкоглазых на поиски, и те маму нашли... Напали шепелявые днем, когда отца дома не было. Маму схватили, связали, да на корабль уволокли. И может не было бы ни меня, ни вообще всего, да только отплыть они не смогли — шторм начался. Мама говорит, что боги услышали ее молитвы. Услышать то они услышали, да только у мамы в животике я была, а ее штормом связанную по всему трюму трепало... Так что когда отец, да знакомые его дружинники князя вериосского на корабль напали и маму нашли, у нее уже начались роды преждевременные. И я-то родилась, а вот кроме меня больше никто, и мама болеть начала сильно, так сильно, что папа мне кормилицу нашел. А затем нанял телегу, да и перевез нас в свою родную деревеньку. Что примечательно — полог кормилицу мою не пропустил, уже тут потом молоком козьим отпаивали, было ж мне меньше месяца.

Так и стали мы безбашенными. Дедушка и бабушка конечно иноземке не обрадовались. И благословения не дали. И папе сказали, чтобы не смел им на глаза показываться, отродье свое забирал, и иноземку уволок, но... только после того, как бабуля ее вылечит. А лечить пришлось долго, уж как бабушка ни старалась, мама не поднималась на ноги и чахла на глазах. И исхудала так, что бабушка в одну ночь не выдержала, на руки ее подняла, унесла к ручью, искупала в воде студеной с наговорами да молитвами. И мама выздоровела. Мне уже годика два было, когда мы в свой дом перешли жить, а к пяти я впервые поняла, что не такая девочка, как все. Все бегали за жрецами в белых одеяниях, игрались и веселились, а меня жрецы к ним не пускали... вот совсем.

А потом я узнала и кто такие демоны, и почему их так классно обманывать.

И вот стоило об этом подумать, как на губах у меня заиграла улыбка, и вообще дорога через всю деревню показалась коротенькой такой. А подходя к бабкиному дому, я услышала:

— Позор на весь мой род! Одна у меня внучка и та — кровь поганая иноземная! Стыд то-какой, ой и стыд! И девка-то вся чернявая, смотреть противно!

А, все ясно, у деда опять жрецы. В этом году всего четыре девки заневестились, а те, что старше пятнадцати уже замужем. Оно ж как — мы всей деревней представление разыгрываем, аккурат для того, чтобы демоны и не забрали никого. И как только рогатые плюясь с досады в свой портал ныряют, мы сразу оп и за свадебку. Все свадьбы и играют вечером в последний майский день. Днем смотрины — вечером свадьбы. Ну так вот — в этом году всего четыре девушки, недобор стало быть, вот жрецы и ходят лисами хитромордыми вокруг бабушки с дедом, чтобы и меня в невесты записать. А я против! И бабушка с дедушкой против! А мама и вовсе ножами без разговоров сразу в жрецов кидается,

только те на порог заявляются. Я ж у нее одна дочка, а у бабушки и дедом одна внучка, но жрецы сила, с ними надо считаться, а то мало ли... Так то враждуют мама и бабушка жестко и показательно в последнее время. И в общем я уже поняла, что зайти следует попозже, но тут дед жрецов вывел на улицу...

Неловкий момент — я с корзинкой, двое жрецов, побледневший дед.

Дед пришел в себя быстро, нахмурился и грозно спросил:

— Почто пришла, позор моего рода?!

А я с пирожками, и те вкусный аромат распространяют на двадцать шагов вокруг. У жрецов ноздри затрепетали.

— Я... — начала запинаясь, — а я мимо шла, отравы вам принесла.

У дедушки уголки губ дрогнули, но он сдержался и так же сурово:

— Что ж, горе моих последних дней, в дом иди, бабке в злонамерении признайся!

Согласно кивнув, угрюмо согласилась:

— Иду, покаюсь...

Дед отошел, пропуская меня в калитку, после в спину крикнул:

— И чтобы больше я тебя в доме своем не видел, убожество иноземное!

Прозвучало пафосно и громко! И вообще может даже бы и сработало, но тут из дома раздалось радостное бабушкино:

— Что, Амибочка пришла? Солнышко бабушкино, иди скорее, блинов тебе напекла, как любишь с малиной.

Я застыла, осторожно оглянулась — у жрецов морды вытянулись, от чего их белые бороды смешно так отвисли. Дед напрягся. Я, решив спасти ситуацию, тяжело вздохнула, сгорбилась и грустно сказала:

— Ага, с малиной, опять небось стекла толченого подсыпет... Горе мне горе...

И пошла в дом.

Позади старший жрец откашлялся и робко так:

— Севостьян, пошто девку мучаете? Красивая ведь девка стала, ладная, глядишь и демоны...

— Да даже позориться не буду, господам нашим благодетелем гадство иноземное показывать! И не просите! Тут честь моя затронута, гордость семейная, а вы... Эх, вы!

И с этими словами деда закрыл калитку. Я мышкой юркнула в дом, попала в радостные бабушкины объятия, вмиг была затискана и зацелована, и только потом бабушка спросила:

— Чего там Севостьян буйствовал? Опять соседям на показ?

— Жрецам, бабушка, — ответила я, в свою очередь обнимая ее.

Бабушка у меня большая, пышная как булочка, румяная, и добрая такая, что у нее добром каждая морщинка светится.

— Как жрецам? — встревожилась она. — Опять жрецы были?

Дед вошел в дом, с топотом вытер ноги о половик, и пробасил:

— Заладили дважды в день наведоваться, упыри храмовные. Амирка, давай ко мне!

Я бабушке лукошко сунула, и к деду с разбегу. Он подхватил, закружил, прижал к себе крепко-крепко, а после держа меня на вытянутых руках сурово оглядел и пробормотал:

— Да какая ж с тебя девка-то? Дите еще, как есть дите.

— Пятнадцать ей, — напомнила бабушка, неся лукошко к столу.

— А я бы лет ну тринадцать дал максимум, — решил дедушка.

Я же болтала ногами и просто улыбалась — люблю их.

— Охотница моя, — деда на пол поставил, волосы на макушке растрепал. — Ну, рассказывай, как день прошел?

И я сидела с ними за столом, болтала ногами и уплетала блины с малиновым варением. А в окно светило заходящее солнышко, какая-то пчелка жужжала, пытаюсь выбраться через стекло, мурлыкал Черныш, устроившись под моим стулом, улыбалась бабушка, кивал, слушая про то как я гоняла от Васьки дедушка и хорошо так было.

А потом в окно постучали, я глянула и увидела заплаканную Люську. Ну да, им сегодня тревожная ночь предстояла, плохо быть избранными, ой плохо. Вот так в вечер перед смотринами мыкаться бледным приведением, с двумя жрецами на хвосту, которые после пары самоубийств, избранных теперь в эту ночь одних не оставляли.

— Впусти, что уж, — грустно сказала бабушка.

Люська вошла бледная. И вот час назад была вся нормальная вроде, а сейчас солнце к закату и даже руки дрожат.

— Ну чего ты, — я открыла двери.

А Люська посмотрела на меня и прошипела.

— Змея ты подколотная, Амира. И мать твоя змея и ты!

От удивления я даже сказать не смогла. Люська слезы вытерла и добавила:

— Будь ты проклята!

Развернулась и пошатываясь, как дядь Заим когда напьется, ушла. А я стояла, смотрела ей вслед и понять ничего не могла.

— Забудь про нее, Амибочка, — бабушка обняла за плечи, в дом увела. — Просто забудь. Видимо одна девка завтра к демонам точно пойдет.

Забыть я не смогла. Еще немножко посидела с бабушкой и дедом, опосля попрощалась и убежала домой — ночь предстояла длинная, и мне нужно было поспать хоть немного.

Как стемнело, меня разбудил Сева — заводила деревенской компании малых, и мы побежали готовиться к завтрашнему дню.

Деревня гудела, не спал сегодня никто. Мужики из реки ил таскали, бабы рыбу потрошили, детишки готовили образы, а староста наш дядька Игнат руководил всем и сразу, и его зычный голос раздавался то здесь, то там. Мы же с ребятами в трепетном ожидании завтрашнего развлечения, обсуждали, кто в чем будет.

— У меня нарыв ооот такой будет! — хвастался Сева. — Во все лицо!

— А глядеть как будешь? — улыбнулась я.

— Э...э... злая ты, Амирка, — расстроился мальчик.

— О тебе забочусь, — пряча улыбку, заверила я.

Сева задумался, потом расцвел и заявил:

— На пол лица нарыв! Гнойный!

Ребятишки завистливо засопели, я же с трудом сдержала смех.

Обожаю день смотрин! Самый лучший праздник в году, и самый-самый веселый! Начинается он вот как сейчас — еще до полуночи, готовимся к нему вообще весь год, но тайно. Потому как если жрецы засекут... Но жрецы, как ни стараются, по жизни этот великий день пропускают, являясь уже к концу, когда дело сделано, избранные спасены, все

пьют, гуляют и радуются жизни. А вот причина, по которой жрецы всегда праздник пропускают очень и очень проста...

— Амира! — крик папы заставил остановиться. — Ами-и-ира!

Замерев, я развернулась, сказала мелким 'у бабки догоню', и помчалась к отцу. Бежать было просто — по всей деревне огни горели, а улицы тут станут грязными и скользкими только под утро, потому как иначе ил впитается, и весь эффект пропадет.

Пробежав через половину деревни, я подбежала к деревенским старейшинам, среди которых возвышались рослые фигуры папы и старосты дядь Игната Михеича. В трех шагах от них остановилась, поклон поясной до земли отвесила (старость уважать надобно), и там стоять и осталась.

— Подойди, — важно сказал дед Всеслав, самый уважаемый старейшина.

А без слова его я приблизиться права не имею. Ну уж теперь, с позволения подошла, рядом с отцом встала, и так как занервничала немного, ранее то старцы к себе не звали, схватила отца за руку. Так оно как-то спокойнее было.

Папа мои пальцы сжал ободряюще, но первый не заговорил, не ему было слово держать.

— Дело у нас к тебе, — задумчиво начал Игнат Михеич, — про жрецов да нежелательность их присутствия слыхала небось?

Я закивала — как не слыхать? Необходимость усыпления жрецов и собственно процесс к которым это происходило, опосля демоновых смотрин обсуждала вся деревня. Весело обсуждала, с огоньком. Жрецы о том подозревали, и пытались препятствовать всеми силами — за три дня до смотрин не ели да не пили ничего, дабы сонную траву им в питье не подсунули. Ну да ничего, мы, безбашенские, индивиды крайне находчивые. Помнится года три назад, усыпительную траву подлили в воду купели. Жрецы перед сном сходили, помылись, молитвы демонам прочитали, да и спать легли... на сутки. Ох и злились же, ох и негодовали, особенно когда все девять заготовленных избранных оказались уже с деревенскими парнями повенчанными. Да, у нас с этим быстро — только демоны смылись, сразу священник на порог. А там стало быть парами построили да с пирком и за свадебку.

В прошлом году жрецы есть перестали за пять дней. Только воду и пили, и то — даже не из колодца, а вовсе из горного ручья. Безбашенские наши покручинились, покручинились, да спас всех деда Микола — взял горилку, на праздник заготовленную, в горах в засаду засел. И токмо жрецы на водопой пришатались (с голодухи они вообще едва на ногах держались), так он все и вылил прямо в ручей. Жрецы улюкались с пары глотков... В результате мужикам пришлось волочить их до самого храма, где те благополучно проспали очередные смотрины.

В этом же году жрецы решили не пить, не есть, не спать — в молитвах провести всю ноченьку, чтобы узреть великих рогатых да могучих поутру, коим жизни свои даровали, да службу служили великую.

Вообще жрецов об этом никто не просил. И в деревеньку нашу их никто не звал, да только сатанисты Вериосские, ранее в черное рядившиеся, глаза черным подводившие, да губы темным мазавшие, как прознали, что есть в стране деревенька, в коей демоны себе невест отыскивают, так явились умертвиями непугаными. Ой и страху то навели — говорят все бабы деревенские, что разродиться не могли, вмиг ребятни на свет напроизводили. И такой ор в деревне стоял, что мужики от злости сатанистов похватали, да слова им такие сказывали 'Ежели еще раз, хоть разок, мы вас!..' Собственно это были все слова, но сатанисты усекли с первого взгляда. Поясно кланялись, черноту с лица смывали, да с тех пор

в белое рядятся, бороды отпустили, ходят тихохонько, опосля и вовсе помогать по хозяйству стали. В общем, с сатанистами смирились, тем более что польза от них была — за избранными приглядывали, кто заболел лечить пытались, иной раз скотину искать в болотах помогали. А когда деревню заклинанием защиты накрыло, так и вовсе пользу принесли, торговцев приманили, рынок организовали на границе, его так и прозвали Торг Безбашенный. Да на рынке том водой проклятой торговали. Воду нашу покупали охотно, помогала она от болезней, сглазов, неудачи, и всякому еще, что жрецы придумывали. Да, мы сами поражались, но токмо жрецы новое чегось придумают, от чего вода помогает, так она сразу и помогать начинает... ну, ежели торговцы в это веровали. А веры в торговцах было немеряно — с цельными бочками за водой приезжали, в итоге у жрецов и храм золоченый, и одежда сукна не простого, и украшения как у цыганского барона, не меньше. Одевали они их правда раз в год — на сами смотрины, в смысле выряжались исключительно для демонов. И ничего удивительного, что рогатые благодетели безбашенские, как-то сторонились позвякивающих восторженных поклонников.

Но, собственно, проблем не было, пока у старосты дяди Игната не подросла первая из пятнадцати дочерей... А девок своих староста любил, и мужиком был страсть каким умным, а еще говорят, прадед у него был из богоизбранного народа, который на окраине Вериоссии проживал, так что никто не удивился тому, что за день до смотрин у дядь Игната родилась великая идея. То есть самому факту ее рождения никто не удивился, а вот идее... Но поддержали. Во-первых, наши безбашенские за своих всегда горой, а демоны-то пришлые. Во-вторых, благодеяния благодеяниями, но девок всем было жалко, особливо родителям. В-третьих, мы ж безбашенные. С той поры 'обмани демона' стало самой любимой деревенской забавой, переплюнув спуск по зиме с горы Жмурихи, прыжки через костер, поиск по весне цветущего чертополоха и быстрой езды.

Так что в ту ночь жрецы получили подарочек — винцо красное, южное и благополучно проспали сутки.

Потом была картошечка с мясом, от добросердешных безбашенных баб... Снова проспали.

На третий год жрецы сообразили, что дело тут не чисто, и от поросенка начиненного яблоками попытались отказаться... Но сказать 'нет' прямо в глаза безбашенным бабам не решились, взяли по кусочку попробовать — проспали. Потом была пыльца сон травы в подушках, ворота запертые, так что выломали их жрецы только к закату, когда дело уже было сделано. Опосля отвар сон травы в колодец подлили... Еще были призраки, за которыми бывшие сатанисты погнались с просьбой поведать о жизни загробной, а в итоге оказались заперты в подвале. Не, их спасли, но через сутки. В этом году жрецы, как оказалось, решили, во что бы то ни прорваться на смотрины.

— Тяжелы грехи наши, — начал старейшина дед Симон, — да неужто отступим, дадим супостатам девок нашенских безбашенских ворогам отдавать?

Не знаю к кому был вопрос, но посмотрели все на меня.

Я на папу.

Папа на меня.

Мы вместе на старейшину.

Дед Симон, осознав что моментом мы не прониклись и намек не осознали, тяжело вздохнул произнес:

— Годы окаянные... — протянул дед.

Мы с отцом переглянулись, оба одинаково не понимая, про что конкретно пытается сказать старейшина.

Дед Симон тяжело вздохнул и произнес:

— Жрецов след на кривой кобыле объехать.

На какой кобыле? Папа нахмурился, я же спросила:

— Дед Симон, да где ж мы ее возьмем то, кобылу кривую? У нас безбашенные все здоровеньки, кривых и нету вовсе.

Старейшина почесал бороду, хмуро глядя на меня, и произнес:

— Длинна коса, да ум короток!

То есть я дура?! Надулась, руки на груди сложила, на старейшину смотрю исподлобья.

Дед Симон на меня точ таким же взглядом. Не, старики иногда как дети.

— На кривой козе, говорю, — говорит он, — к жрецам подъехать след!

— Час от часу не легче, то им кобылу кривую подавай, то теперь козу... Дед Симон, вы определитесь уж, а?

Нет, вообще так со старостами разговаривать нельзя, но между прочим я не хамлю, я возмущаюсь. Это они мне предлагают пойти и скотину обезглавить? Нет, я, конечно, могу, я охотник, второй самый лучший охотник в округе, но... а не буду из идейных соображений, вот!

— Не согласная я скотину калечить! — объявила гордо.

— А кто тя просит? — возмутился старейшина. — Я говорю — обмануть жрецов надобно! А ты — кобыла, коза, определитесь! Дура девка, как есть дура!

И мне так обидно стало.

— А чего сразу срамите да обзываете? — несмотря на то, что отец одернул за рукав, возмутилась я. — Так и сказали бы 'Свет наш, Амирка, на одну тебя уповаем, уж не откажи, охотница ты знатная, да жрецов устрани от завтрашнего мероприятия, а мы тебе за то век будем благодарны'. И все! Разве много я прошу, а? А вы мне про козу да кобылу!

От наглости такой невиданной да не слыханной обалдела я первая, потом накрыло присутствующих, даже отец на меня поглядел, словно только увидел, а дед Симон вдруг залихватски так подмигнул, два шага вперед сделал, опираясь на клюку, склонился до земли, да зычненько так:

— Свет наш, Амирка, на одну тебя уповаем, уж не откажи, охотница ты знатная, да жрецов устрани от завтрашнего мероприятия, а мы тебе за то век будем благодарны.

Ой и стыдно мне стало. Рукавом прикрылась, опосля за отца спряталась, стою себе, румянец во всю щеку, аж огнем горит.

— Али поклон не по душе, матушка? — продолжил издеваться самый старый безбашенный старейшина, — или тоном не угодил, свет наш Амирушка?

И так мне обидно стало, что не выдержав, я из-за батюшкиной спины высунулась и хмуро спросила:

— Так спасти вас, али сами управитесь?!

— Амира! — пристыдил отец.

А я что.

— А он первый начал, — пробормотала, насупившись.

— Домой ступай, — приказал отец.

— Не могу, — не согласилась я, — мне еще перхоть натереть надо, в этом году моя очередь.

И тут старейшина сказал:

— Охолопись, охотник. Давно я к девке твоей приглядываюсь, давно уж при одном на Амирку взгляде, улыбка сама губы кривит. А с делом энтим если кто и сумеет совладать, то токмо она и одна. Тебя-то жрецы в храм свой не запустят.

Отец что-то хотел ответить, да я перебила:

— Чай и без спросу можно, есть там путь дорожка одна тайная, для жрецов самих сотворенная, да...

Папа развернулся, схватил меня за плечи, встряхнул и зло спросил:

— Что?!

Знамо дело — папа против того, чтобы я на версту к храму приближалась, да и Люська им никогда не по нраву была, мама сразу про нее сказала 'Лицом пава, да душонка змеиная', так что признаваться мне вовсе не хотелось, ну да отцу врать в глаза я не умею и не хочу. Дорогих сердцу людей не обманывают.

— Ходила я туда, бать, — тихо призналась. — В сами ворота ни-ни, ты ж запретил, а так любопытственно было сверх меры, вот я и...

Отец плечи мои отпустил, выпрямился, и смотрел хмуро, с неодобрением. И горько стало до слез, да что уж там — виноватая я.

— Завтра поутру уезжаем, — мрачно произнес папа.

Токмо голову и опустила.

— Окстись, Светомир, — староста дядь Макар Игнатович к нему ближе подошел, — не пропустит, купол-то.

Это да, бабы да девки местные всю жизнь в Безбашенной и живут, нету им ходу отседова с той поры, как в девичество вступают, да только...

— Не местная она, — напомнил всем отец. — Коли надо так, поможем чем сможем, но как солнце над горами засияет, уйдем. Я все сказал.

И хоть батя охотник простой, а к слову его и старейшины прислушиваются. К моему, как выяснилось, тоже:

— Ну дык, Амирка, — заговорил старейшина Симон, — как спасти нас будешь, матушка?

Про охрану, коей жрецы обзавелись я знала, и про то, что ходу сегодня никому в храм нету знала тоже... А еще ведомо мне было, что перед сном каждый жрец ходит в часовенку молитву вознести... А еще имелся у меня яд новый, сонный как раз, папа только на прошлой неделе готовить научил...

— Дротики, — сказала я, и бате улыбнулась.

Папа задумался, после произнес:

— Яд я готовлю.

А жаль, у меня был составчик, который хотела на кузнецовых сыновьях испытать, и вот для жрецов в самый раз был бы, да видно не судьба.

— Тут пропорции правильно рассчитать нужно, — сурово напомнил отец.

— Я понимаю, — тяжело вздохнула.

— Экспериментировать можешь на охране, — внезапно добавил папа.

Взвизгнув, я подпрыгнула, обняла папу, крепко-крепко, и едва он опустил меня на землю, развернулась и опрометью бросилась домой, готовить дротики к самой замечательной охоте. Потому как с детства мечтала на жрецов поохотиться, с тех пор, как они меня, маленькую, от избранных гоняли. Обидно так было. А в этом году гонять

перестали же, напротив как завидят, все лезут с речами ласковыми да посулами знатными, а мне то что? Обида, особливо детская, она мести требует!

До дому промчалась споро, да на повороте едва в болото не свалилась, поскользнувшись. Нет, обычно у нас все дороги сухие и ровные, да и скотина воспитанная, по дорогам навоз не разбрасывает, так что беги хоть днем, хоть ночью, да только сегодня мужики ил с реки возили, он кое-где расплескался. Болотный, вонючий, скользкий. Вот я и... Но удержалась, за тын ухватилась и устояла.

— Амирка, ты это, охолонись бегать-то, — сказал мне дядя Ратибор.

Прокралась под заборчиком, увидев, что самая большая лужа образовалась у нас перед воротами, скользнула в калитку кузнеца Гутарга, и мне тут же навстречу кинулись два громадных волкодава — оба в холке мне по плечо будут, а так вообще здоровее, на пол головы точно выше.

— Буран, Ураган, да стойте вы! — взмолилась я.

Но песики не послушались, и через мгновение у меня была вылизана вся моська. Тщательно. Не смотря на мои визги и попытки прикрыться рукавом. Дверь кузнецова дома открылась, вышла тетя Матрена, увидела творящееся безобразие и спросила:

— Амирка, ужинать будешь?

— Сссспасите... — пискнула, потому как псы взялись еще и все остальное вылизывать.

— Буран, Ураган! — рявкнула кузнецова жена.

А голосок у нее — ух. У ней же муж, да восемь сыновей, так что командовать тетя Матрена наострилась знатно. Песики тут же хвосты поджали и к порогу, вылизывать хозяйские лапти.

— Тетя Матрена, — я старательно вытиралась, — я через ваш огород пробегу, а? А то перед нашими воротами болота много, извазюкаюсь вся.

Кузнецова жена кивнула, со странной улыбкой на меня поглядывая. Да так поглядывая, что пока я шла, все еще вытираясь, по дорожке к прорехе в заборе, все думала с чего бы. А потомочки остановилась и прямо спросила:

— Теть Матрена, а вы чего улыбаетесь-то?

— Ничего, — тут же ответила женщина так, что сразу я заподозрила — что-то тут не чисто дело. А кузнецова жена вдруг добавила: — Амибочка, деточка, только ты к Люське не ходи больше, не надо. Да и говорить с ней поостерегись. Змея она подколотная, и не друг тебе вовсе.

Про Люську это зря — у меня даже плечи поникли.

— Амибочка, — тетя Матрена со ступеней сбежала, быстро ко мне подошла, — Амибочка, доча, небось ходила уж к тебе змея эта?

Шмыгнув носом я попросила:

— Не надо про Люсю так...

Теть Матрена платок достала, лицо мне вытерла, нос последним, пальцем по нему щелкнула да и сказала:

— Светлая ты Амирка, как солнышко, тьмы в людях вовсе не видишь. Ну да ничего, Васенька от дурных-то оградит. А ты совета моего послушай — не ходи к Люське, не говори сней, да даже в сторону ее не смотри. Чует сердце мое — гнев затаила девка на тебя, а значит и до подлости недалече.

Хотела было возразить, да тетя Матрена свой вопрос задала:

— А бежишь-то куда?

— Ой! — и я, вспомнив, на бег сорвалась. И уже на ходу выкрикнула: — Так жрецов упокоить сегодня мне выпало!

Что мне кузнецова жена вслед крикнула уж и не слышала — ветер шумел в ушах, да трава под ногами шелестела.

До дома домчалась я быстро, да в схрон с дорожки и завернула. И вот завернула-то быстро, от того в гостя лесного и врезалась на полном ходу!

— Ух! — выдохнула отлетая от Михаила Топтыгина и падая на траву.

— Грр, — ответил мне зверь лесной, протягивая самую настоящую рогатину, отполированную настолько, что она сверкнула в свете полной луны.

— Ух ты, — только и сказала я.

— Грррр, — поддержал беседу мишка.

— А еще что есть? — заинтересовалась я.

Не, ну откудова рогатина тут все понятно — часть леса нашего тоже заклинанием демонским накрыло, так что он от охотников пришлых защищен, о чем звери очень даже в курсе. Но некоторые молодые, вот как Михаил Топтыгин, которому два года всего, они себе нервишки пощекотать любят. От чего и ходят в соседний лес 'по охотники'. Развлечение у них такое. А от тех охотников и таскают нам трофеи — надо же похвастаться. В смысле — никто кроме нас с батей и не оценит-то.

— Ыгырр, — подтвердил мишка, встал, из-под себя вытащил суму охотничью, лук со стрелами, и багор.

— А багор откуда? — удивилась я.

С багором оно только на рыбалку и ходить по весне, когда нерест начался.

— Грр, — Михаил Топтыгин мощными мохнатыми плечами пожал.

— Заимку разорил значит, — догадалась я.

Медведь активно закивал головой.

— Уважаю.

А что — заимку вскрыть это сноровка нужна, то есть с такими-то лапами замки вскрыть, да двери пудовые отворить.

— Здорово, — похвалила я.

— Угурр, — сказал Михаил Топтыгин и на двор выжидательно поглядел.

— Батя сейчас придет, яд готовить мне будет, — успокоила я мишку, которому еще и перед отцом о подвигах своих хотелось поведать.

— Грр? — спросил он.

— Ну мне яд, — начала пояснять, — на жрецов иду охотиться.

— Ыыгырррх! — восхитился мишка.

Да, лесные жрецов недолюбливают. Оно как, сатанисты же привыкли жертвы демонам приносить, а в Безбашенной людей низя, и животину деревенскую стало быть тоже низя, так они поначалу пытались животных под жертвенные нужды приспособить. А животные у нас народ дружный, сплоченный да с выдумкой, так что однажды парочка жрецов проснувшись по утру обнаружила себя на споросколоченном в лесу алтаре, в окружении сухого валежника, да обзревая нагло скалящегося мишку с факелом в лапе, и факел этот топтыгин меееедленно так к дровишкам поднес... Вот с тех пор жрецы в лес не ходят, а лесные жрецов не любят.

— Грр? — бросив все трофеи, осведомился у меня Михаил Топтыгин.

— Неее, тебе со мной нельзя, — тут же преисполнилась важности я. — Дело опасное,

ответственное, а если не выгорит старейшина к жрецам на кривой козе поедет, вот. А мне козу жалко, чтобы ей да из-за жрецов глаз выкалывали.

Мишке козу тоже стало жалко, так что Топтыгин насупился и сел печально свесив голову.

— Вот, — продолжила я, — а если не на кривой козе, то на кривой кобыле. А кобылу мне тоже жалко.

— Ууу, — согласился Михаил Топтыгин.

У него вообще с одной из деревенских кобыл дружба с детства Веснянка когда жеребенком несмышленым была в колодец старый свалилась, а медведь тоже еще мелкий был, но вытащил, с тех пор дружат, гостинцы друг другу таскают и в гости ходят. В этот момент открылась калитка, разом замычали коровы, куры закудахтали, петух заголосил, из кустов рядом со мной и топтыгиным высунулась хитрая серая морда.

— Бес! — воскликнула удивленная я.

Волк фыркнул на меня, юркнул обратно в кусты, и уже оттуда вытащил... жреца. Топтыгин, посрамленный принесенной добычей, рухнул прямо на тропинку. Я так вообще отшатнулась и едва не завизжала, а папа, которого как раз вся живность-то и приветствовала, подошел, сурово на жреца посмотрел и спросил:

— Один был?

Бес молча обратно в кусты, достал второго длиннобородого, следом мешок. И вот вопрос — а чего вообще жрецы с мешком возле нашего дома делали? Да не на дороге, а тут, у сараюшков?!

Папа присел на корточки, осмотрел бездыханные тела, задал вопрос:

— Душил кто?

Из кустов показался Филимон — удав местный. Ну местный то местный, но за лягушками он к соседнему пруду ползает, а с нашими безбашенскими дружбу водит, они ему песни поют и хороводы устраивают. А вообще Филя не наш, приполз из фургона цыганского. Дело как было — цыгане они до золота охотчие, а слух ходит будто у нас все дороги золотом усыпаны, мол от демонов подарки, вот эти хитромордые и попытались в деревеньку проникнуть. И странное дело — кони их прошли, собаки прошли, два медведя ручных с кольцами в носах, удав и тот прополз, побитый был, слабенький, а цыган полог не пустил. Бабы наши сердобольные живность гнать не стали, мужики медведей от колец носовых и цепей освободили, псы разбежались по дворам, а удав на пруду пристанище нашел, теперь лягушками верховодит. А цыгане ушли, да, поругались, словарь ругательств у мужиков обогатили, в телеги свои впряглись и ушли. Жалко было, потому как цыгане они народ предприимчивый, они чтоб в деревню проникнуть и с катапульты себя запускали, и подкоп рыли, и в животинку передевались, и немощными прикидывались — сплошное представление было, причем каждый день с утра и до вечера. И любопытственно так, что коровы на дойку вечернюю сами к нам на окраину деревни прибегали.

О, кстати о коровах...

— Амирка, — батя посмотрел на меня сурово, — коров подоила?

И я пошла доить коров. Всех! Двенадцать буренок встретили меня недовольным мычанием. Коровы они скотина умная и крайне себялюбивая, а тут вымя от молока чуть не трещит. И молока-то, молока много. В обычных деревнях коровы едва ль ведро дают наши сразу три! Сидишь и доишь, и доишь, и доишь...

Открылась дверь в коровник, зашла мама, хмуро спросила:

— Доишь уже?

Взыньк! — ударила молочная струя в стенку ведра.

— На ужин чего не пришла? — продолжила родительница, беря ведро и табурет, чтобы следующую корову начать доить.

— Так у деда с бабкой поужинала, — призналась я. И добавила: — А, и жрецы у них были.

Мама, которая уже и ведро поставила, и вымя вытерла на всякий случай, нет, коровы мылись сами, но порядка ради, выпрямилась, на меня сурово посмотрела.

— Чай объегорили, — поспешила успокоить маменьку.

Кивнув, мама посидела, поглаживая лоснящийся коровий бок и не спеша приступить к дойке, а опосля:

— Светомир на неделе с Топтыгиным на семеновских собирался... — задумчиво проговорила матушка, продолжая поглаживать корову.

И я доить перестала.

— Для дротиков новый яд изготовил, знатный яд...

Нет, то что мама жрецов с моего детства недолюбливает, это я знала, но чтобы настолько! Про тот яд я знала папенька очень уж зол на мужиков из Семеновки, что за горой расположена. Мужики там ушлые, они зверей нашенских приманивают, кого медом, кого мясом, а как те из-за купола выходят, так и губят по чем зря, а некоторых тем же цыганам продают, в диковинку ведь умные звери-то. Так вот как появятся семеновские. Звери к папке, а уж тот с Михайлой Топтыгином, да с Филимоном, да и еще с кем придется, и в засаду на них. А в прошлый раз пчел диких к делу приспособили, ну и эффект всем понравился — мужики убегали опухшие, красные, видом жуткие, почесоном мающиеся. Вот и яд новый для дротиков на основе пчелиного и осинового яда был. Только батя мне его не то что не давал и думать о нем запретил, он его вовсе взял и спрятал!

— В спальне, под кроватью в четвертом от стены ящике, — словно невзначай проинформировала мама.

И начала доить корову. Взыньк-взыньк — ударялись струи молока о ведро.

— Маам, — позвала, не веря в происходящее.

— Мать — существо мстительное, а они моего ребенка столько лет от других детей гоняли... — в каждом слове злости, как яда у осенней подковряжной гадюки.

Пеструха, которую мама как раз доить взялась, голову повернула, мордой в мамино плечо ткнула — поддерживает, ей маму тоже жалко стало.

— А батя как? — уже понимая, что мне руки развязывают, спросила я.

— Дел то столько, — мама бросила на меня коварный взгляд черных раскосых глаз, — чай пока коров со мной подоит, да пока корм зададим, на сыр молоко поставим... часа два у тебя есть, Амирчонок.

Да было б сказано!

Через пяток минут я с папиными дротиками и его же духовой трубкой, мчалась огородом семейства Гутарг, прямо к дороге. И пусть меня там перехватить лысый черт, в смысле Васька, пытался, я через кусты сиганула, опосля через забор, и помчалась по краю улицы, там где мужики ил еще не разлили.

Быстро бежала, просто ух. Я ж говорю, мы с батей, охотники, а потому бегаем жуть как. А оттуда огородами, через пруд, вверх по холму, в обход стены и...

И прибежала, елки колючие.

Аккурат к веселой теплой компании прибежала — старейшина наш дед Симон в обнимку с Михаилом Топтыгиным стояли! А рядом с ними почему-то коза!

И мишка в эту козу сначала лапой тыкал, а потом чего-то втолковывал старейшине. И вот чего совсем не понятно!

А дед Симон, меня заприметив, укоризненно головой покачал, и еще более укоризненно: — Амирка, подъехать на кривой козе это образное выражение, означает обмануть, объегорить, обвести вокруг пальца, понимаешь?

Почему-то отрицательно мотнула головой, хотя поняла я все. — Эх, девка, — дед Симон усмехнулся полным белых здоровых зубов ртом. — Батя где?

И кто-то заметно покраснел.

— Без бати, значит, — все понял старейшина.

— Мммеее, — поддержала коза.

И тут за стеной раздался звон колокола — жрецы на службу собирались. Мы все переглянулись — мишка с козой, я со старейшиной, и дед Симон дал команду:

— Пора.

Сурово кивнув, перекинула лук и духовую трубку за спину, поплевала на руки и полезла вверх по стене. Специально полезла, потому что ломанись я через тайное место, за мной бы и старейшина и медведь увязались, а может быть даже и коза, так что отчаянно ползу вверх.

Не прошло и пяти минут, как доползла, подтянулась, забралась на стену и... и чуть не свалилась! Потому что Михаил Топтыгин взял и сдал деду Симону ту самую брешь в стене, и теперь оба они, и медведь и дед ховаясь за колодцем, наблюдали за мной. Да что там оба — коза с другой стороны сруба выглядывала!

Они же мне всю жрецово остановительную миссию сорвут!

И тут кто-то тронул меня за плечо...

Учитывая, что вокруг ночь, а сижу я на самом верху стены, это было очень неожиданно, и поворачиваться не было никакого желания вовсе!

— Амир, — раздался шепот Васьки, — Амир, батя твой сказал, ты это, гнездо забыла.

— Чтоб тебя, — тихо выругалась с перепугу, обернулась, узрела Гутаргового сына, и прошипела: — Какое гнездо?

— Осиное, — Сашка, третий кузнецкий сын тоже на стену взобрался.

— И пчелиное, — со стороны Васьки влез Борька.

А сыны у Гутарга все плечистые, телом здоровенные, руками пудовые, чай испугалась я за крепость стены то. Она и в правду заскрипела натужно — строители то из бывших сатанистов никакие.

Вообще удивительно, что стену возвели и она держится — по первости-то все с весенними ливнями съезжали вниз, а эта стоит, уже и не помню сколь годков-то...

Вот только на Гутаргов стена рассчитана не было.

— Слезайте! — услышав угрожающий треск, взмолилась я.

Кузнецовы сыны разом спросили:

— Чего?

Мишка, даже не знаю с чего и посмотрела на него, лапой глаза закрыл, дед Симон головой покачал, коза за сруб спряталась и...

Треск вышел на славу!

Затрещало так, что в храме сатанинском вой поднялся и крики 'Демоны!', а я, в ужасе, почувствовала, как падает стена-то...

— ММама! — пискнула я.

— Амирка! — рывкнул Васька.

— Твою корову! — Борька сиганул вниз первым.

— Бежа-а-а-а-а-а-а-ать! — заорал Сашка.

Мы вскочили, и по трясущейся как студень стене, бросились к храму, в котором паника только нарастала. А вокруг гудели выпадая из кладки камня, звенела посуда в пристроенной к стене жрецовской кухне, да почему-то отчаянно мемеркала коза. И вот чего ей нейдет?

На бегу глянула и едва не свалилась — благо Васька подхватил, да так под мышкой удерживая и понесся дальше. А кто бы на моем месте не остановился? Гнезда то братья Гутарги приволокли, это да, но как стена начала рушиться, Борька и Сашка их попросту во двор сатанистам швырнули, те раскололись, пчелы да осы, и неважнецки что ночь, повывлетали и обнаружили, что вот с этого самого момента они остались бездомными!

А обездоленные пчелы и тем паче осы это... козе досталось первой! Вторым пострадал дед Симон, который начал носиться по двору перед храмом, почему-то с воплями:

— Амирка, бесова девка! Ну попадись мне! Ай! Ой! Амирка!

Самый умный Михаил Топтыгин притворился мертвым... Да, оно не только с медведями срабатывает, жужжащее разъяренно войско оказывается тоже мертвыми брезгует.

И тут Васька швырнул меня с разбегу на крышу жрецова храма, сам сиганул следом, ну а Сашка уже был тут и в этот момент стена все же рухнула!

Ой и грохоту было! Даже пчелы с осами притормозили и перестали деда Симона жалить, засмотревшись на падение сатанинского оплота...

Ненадолго.

Ибо стоило стенам рухнуть, как жрецы из храма то и выскочили, посмотреть что деется.

А пчелы и осы мигом обрадовались, узрев, что мишеней для вымещения злости обездоленных-то прибавилось! И загудело, зашумело раздраженное гневное жужжание.

— Братья, это же только пчелы! — заорал успокоительно сатанист Лукич, он тут вроде как бы один из трех главных.

Я, подползя к краю стены, хмыкнула и мстительно протянула:

— Ну, допустим, не только...

И я сейчас не про ос, нет.

— Факелы, братья, факелы несите! — перекрывая гул, приказал брат Саваргарус.

Я молча достала трубку, приладила, опосля правую руку облачила в тонкую кожаную пропитанную воском перчатку, для защиты от яда, и открыла батину заветную коробочку.

— Амирк, это что? — жарко зашептал Васька прямо в ухо.

— Не мешай, — сурово потребовала я.

Во дворе меж тем на одну жертву обездоленных стало меньше — мишка хватанул пробегающего мимо деда Симона, придавил его лапой к земле и старейшина с распухшим уже лицом, все поняв, затих, мертвого изображая. А вот сатанисты опомнились, пчелы и осы их и ранее жалили, и началось:

— Дым нужен, братья, дым!

— Тряпки неси!

— Деревенские это!

— Да просчитались, что нам пчелы с осами!

— Факелы!!! — продолжал вопить брат Саваргарус.

Сноровисто вставила дротик в трубку, прицелилась, дунула.

Маленькая ядовитая стрелка промчавшись через весь двор безболезненно вошла аккурат в шею жреца. Сатанист замер, пошатнулся и рухнул наземь, недоорав 'Факе...'. В духовую трубку лег следующий дротик. Прицелилась — дунула. И еще один сатанист, взмахнув белой бородой, рухнул наземь.

И вот его падение сатанисты заметили.

— Это какие-то неправильные пчелы! — раздался чей-то неуверенный голос.

— Безбашенские, — с яростью в голосе заметил второй.

Уложила обоих.

Началась паника!

Жрецы по двору бегают, коза рядом с мишкой и старейшиной устроилась и из-за лапы топтыгина на творящееся безобразия поглядывает, я стреляю, Васька с Сашкой в жрецов черепицей кидаются, осы с пчелами тоже развлекаются, они вообще в сам храм залетели, и оттуда притаившихся выкуривают, в общем никому не скучно.

Через полчаса все было кончено — жрецы вповалку лежали кто где, осы и пчелы деловито осваивали новое жильё — пчелы в крыше храма, осы под ней, коза ходила меж бессознательных сатанистов, Михаил Топтыгин крутил барабан, доставая очередное ведро из колодца, дед Симон уже смоченный кушак прикладывал к искусанному лицу, мы спускались с крыши, а Борька стоял, уперев руки в бока и широко расставив ноги и обзиревал...

Обозревать было что.

— Да, Амирка, утворила ты, — укоризненно произнес он.

Чуть не свалилась, после такого. На земь спрыгнула, руки в бока тоже уперла, и спросила:

— И стену, по-вашему, я повалила?

— А то, — Сашка подошел следом, — знаешь же, что бородатые строители аховые, так чего на стену полезла?

Лишь руками развела, ибо совестью у некоторых и не пахло.

— И додуматься же надо было — пчел с осами в храм запустить, — продолжил Борька.

— Да ты их сам приволок! — заорала разгневанная я.

Но никоим образом не усовестившись, гутаргов сын продолжил:

— Сколько лет безбашенские жрецов устранили тихо-мирно, а эта бесова девка за полчаса храм-то и порушила!

А у меня, к слову, еще два дротика осталось!

— Обратились за помощью, на свою голову, — простонал дед Симон, эту самую голову окуная в ведро с водой, которое Топтыгин ему достал.

Эдак мне дротиков на всех и не хватит.

— Но, булль-булль, чего уж теперь! — старейшина вынырнул из ведра, оттер шапкой мокрое искусанное лицо, подмигнул мне заплывающим глазом и выдал. — Да вот еще восемеро в деревне избранных охраняют, а как с ним справится и не ведаю, Амирке-то поручать страшно, еще и деревню разгромит.

Достала духовую трубку, предпоследний дротик приладила.

— Амир, ты чего? — всполошился Борька.

— Э, девка, не дури, — заголосил Сашка.

— Не бойсь, и на тебя хватит, — злокозненно пообещала я.

Они все ужаснулись и отступили, даже Васька.

Гордо вскинув подбородок, многозначительно добавила:

— Ну-ну...

И пошла выручать избранных.

В последнюю ночь перед пришествием демонов избранным полагалось провести во храмовых кибитках, за молитвами и осознанием своего предназначения... это так сатанисты думали. Мы считали иначе и девок спасали вот уже почти десять лет кряду, а сегодня спасать выпало как раз мне.

И я вот пошла к кибиткам, стеклом окруженным, представляя как сейчас спасу Люську, как она мне на шею кинется и благодарить будет, как объяснит, наконец, почто змеей подколодной обозвала, как...

До кибиток я дошла, замок с хрустальной двери сбила и навстречу мне кинулись радостные Лизка, Онелка и Светлица. И накиннулись, и завизжали, и стали говорить какая же я умница-разумница, а Люська вышла, на меня глазами злыми-презлыми как две узкие щелочки посмотрела, опосля на Ваську, от чего-то словно заробевшего и глаза опустившего и...

— Да миритесь уже! — не выдержала я.

Васька вскинулся, словно хотел мне что-то сказать, брат его Сашка и вовсе рот открыл, и тут Онелка вдруг да и скажи:

— Мирка, а ты чего снаружи, а не в кибитке была?

— Я?! — удивилась сильно. — Да куда ж мне, это вы избранные, а я...

Онелка, Лизка да Светлица разом заулыбались, волосы свои длинные светлые жемчугами украшенные за спину откинули жестом отработанным, платья стеклярусом расшитые оправили, губы красным обведенные облизнули, да и...

— Так недобор же, — сдала Онелка, — вот братья Жупан и Засмур и пошли тебя добывать, раз отец твой по-хорошему не пожелал. Люська им обстоятельно рассказала, во сколько коров доишь да и как к вам на огород со стороны ручья пройти, вот они и...

— Что?! — не своим голосом спросил Борька.

— Люська рассказала? — вторил ему своим, но каким-то странным голосом Сашка.

Я из всего этого не поняла вообще ничего. То есть понять, что те двое схваченных волком и удавом Филимоном жрецы за мной приходили я теперь осознала, а то все ж любопытственно было от чего они у нас в кустах заседали, не по нужде же, а оно вона как все... Но Люська то тут при чем?

— Да Люська-Люська, — подтвердила Светлица, Сашку недвусмысленно так улыбаясь — невестились они с год уже как, от того видимо и увязались за мной Гутарги, — без ее ценных указаний, они бы к вам поостереглись. Боятся, Амирка, мамку твою, уж больно метко ножами кидается.

Сашок молча подошел вплотную к Люське, глянул на нее, словно вообще не слышавшую беседы, зло да с отвращением, опосля повернулся, подхватил захихикавшую Светлицу да и понес.

Им до утра было чем заняться — в грязи да траве поваляться, волосы растрепать и взлохматить, зубы чернотой зачернить, пару нарывов на лице организовать — не до бесед в общем.

Борька им вслед посмотрел, опосля на Люську, плюнул выразительно и девкам сказал:

— Пошли, вам до утра есть чем заняться.

Избранные повернулись и плавно, аки лыбеди, потопали с Борькой.

А я одного понять не могла:

— Люсь, ты это, хотела, чтобы мне тоже почет и уважение как избранным, да? — от чего-то очень хотелось в это верить. Хоть и не верилось.

— Добрая душа у тебя, Амирка, — дед Симон подошел неслышно, — ох и добрая, подлости человеческой в упор не видишь. А ты, Люська, домой ступай, да иди шибко — подлым людишкам не пристало с дородством шагать. По дороге подлости токмо и можно, что шибко да озираючись шагать, скользкая та дорожка и конец у ней неизменен — рано ли, поздно ли, а мордой в грязь.

Развернулась Люська гордо, рвано как-то, и поспешила так, словно и вправду по скользкой дорожке шла. А я, повернувшись к Ваське, спросила укоризненно:

— Что ж ты ей не сказал, Вась? Она ж теперь так и не знает, что ты ж ее любишь же!